
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ ЧЕХОВА

Собачка в «Даме с собачкой»

«Дама с собачкой» (1898), один из наиболее известных и любимых рассказов позднего Чехова, начинается так: «Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой». Про даму, Анну Сергеевну (можно даже назвать фамилию: фон Дидериц), в рассказе сказано много, она одна из двух главных персонажей. А про собачку? Что мы знаем о ней?

Следующее предложение — от лица Дмитрия Гурова, второго главного персонажа, человека, организующего действие рассказа: «Сидя в павильоне у Верне, он видел, как по набережной прошла молодая дама, невысокого роста блондинка, в берете: за нею бежал белый шпиц».

Далее говорится, что Гуров встречал даму в ялтинском городском саду и сквере по нескольку раз в день. И снова про белого шпица: «Она гуляла одна, все в том же берете, с белым шпицем; никто не знал, кто она, и называли ее просто так: дама с собачкой».

Ирина Чайковская — прозаик, критик, преподаватель-славист. Главный редактор американского русскоязычного журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, с 2000 года — в США. Автор 18 книг и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Автор статей и докладов о жизни и творчестве И. С. Тургенева, А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и других представителей русской литературы второй половины XIX века. Участница международных тургеневских конференций и конференций по связям русской и зарубежной литературы. Член редколлегии американского русскоязычного журнала «Слово/Word» и поэтического альманаха «Связь времен». Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации «Критика». Живет в Большом Вашингтоне.

Судя по двум атрибутам, присутствующим в описании дамы, ее с одинаковой долей вероятности можно было назвать и «дамой с собачкой», и «дамой в берете». Отдыхающие в Ялте называли — «дамой с собачкой». Да и сам Гуров, уже ближе к концу рассказа, называет ее в своих размышлениях «дамой с собачкой». Чеховский рассказ носит именно это название. Упомянутый «берет» больше в рассказе не появится. Собачка же станет, как мне представляется, одной из его сюжетостроительных балок.

Постараюсь это показать.

Рассказ «Дама с собачкой» — маленький, состоит из четырех небольших главок, хотя оставляет впечатление повести или даже романа. Это связано с необычайной сгущенностью действия. В сферу внимания читателя автор помещает только то, без чего нельзя обойтись для художественного создания вроде бы непритязательного сюжета. Рассказ начинается как обычный «курортный роман», но затем уходит в сторону и имеет нетривиальное продолжение.

Язык автора лапидарен и емок, с минимальным количеством деталей.

Теперь посмотрим, насколько «собачка», а именно: белый шпиц, входит в художественную структуру рассказа. В первой главке мы встречаемся с нею еще один раз.

«Он (Гуров. — *И. Ч.*) обедал в саду, она (дама с собачкой. — *И. Ч.*) подходила не спеша, чтобы занять соседний стол. Он ласково поманил к себе шпица и, когда тот подошел, погрозил ему пальцем. Шпиц заворчал. Гуров опять погрозил. Дама взглянула на него и тотчас же опустила глаза. — Он не кусается, — сказала она и покраснела. — Можно дать ему кость? — И когда она утвердительно кивнула головой, он спросил приветливо: — Вы давно изволили приехать в Ялту?»

Этот кусочек следует проанализировать. Напомним напутствие Чехова его молодым пишущим собратьям: «Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев, нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев». В «Даме с собачкой» можно увидеть воплощение этого принципа. Гуров видит даму, вызвавшую его интерес, когда та не спеша идет к соседнему столику. Он хочет с нею заговорить, для этого использует подходящий предлог — шпица. Он его манит к себе, шпиц подходит.

Далее Гуров ведет себя не совсем обычно: грозит собачке пальцем. Скорее всего, он делает это шутливо: мол, не шали. Шпиц, жеста не понявший и ожидавший чего-то другого, заворчал. Гуров повторил свой жест.

Дама поняла этот жест как знак того, что незнакомец боится собачки (миниатюрного декоративного шпица!), и успокоила его: «Он не кусается». Но проследим, как начался их разговор. До этой реплики дама взглянула на Гурова и тотчас же опустила глаза. Видимо, увидела что-то такое, что ввело ее в смущение. Что же она увидела? Позволим себе предположить, что она увидела того, о ком всечасно думала, кого мечтала увидеть, когда рвалась из С. и под фальшивым предлогом уезжала от мужа в Ялту.

Вот выписываю из второй главки ее признание после «падения»: «Мне, когда я вышла за него, было двадцать лет, меня томило любопытство, мне хотелось чего-нибудь получше; ведь есть же, — говорила я себе, — другая жизнь. Хотелось пожить! Пожить и пожить... Любопытство меня жгло... вы этого не понимаете, но, клянусь богом, я уже не могла владеть собой, со мной что-то делалось, меня нельзя было удерживать, я сказала мужу, что больна, и поехала сюда... И здесь все ходила, как в угаре, как безумная...»

Мы знаем, что Гуров хорош собой, нравится женщинам и умеет с ними обходиться, в прошлом у него было много романов — наверняка он сразу понравился Анне Сергеевне. Об этом свидетельствует еще одна «говорящая» деталь: она покраснела, сказав Гурову, что шпиц не кусается. И ясно, что покраснела опять от того смущения,

ния, которое почувствовала в присутствии этого привлекательного и явно заинтересовавшегося ею мужчины. Еще одна реплика Гурова, связанная со шпицем: «Можно дать ему кость?»

И дальше, в ответ на ее утвердительный кивок, он уже переходит к своей непосредственной цели — к ней самой: «Вы давно изволили приехать в Ялту?»

Ясно, что шпиц, сопровождавший даму, нужен Гурову только как предлог для начала разговора с его хозяйкой. В дальнейшем речи о собачке не будет — вплоть до предпоследней третьей главы. Чехов не станет нам рассказывать, где и с кем оставляла собачку Анна Сергеевна во время своих прогулок и поездок с Гуровым, не уточнит, чем и как она ее кормила. Померанский, или миниатюрный, белый шпиц, мода на которого началась как раз в годы написания рассказа и с особенной силой разгорелась после появления «Дамы с собачкой» Чехова, по словам специалистов, «не доставляет особых хлопот», но «для собаки очень важно, чтобы хозяин находился рядом».

Анна Сергеевна далеко не всегда была рядом с собачкой, да и кормила она его не по прописям. В указаниях по уходу за шпицем сказано, что он нуждается в специальной пище, не со стола. И есть добавление: «...кости для собаки — гибель... Никаких костей, особенно трубчатых и куриных».

Однако нужно учесть, что приводимые правила взяты из современных источников. В XIX веке собак кормили по-другому. Да и Чехов пишет рассказ, а не пособие по уходу за шпицем, его часто не интересуют «подробности», которые имеют «узко характерологические цели», — отмечает в своей монографии Александр Чудаков¹.

Как мне кажется, сам Чехов прекрасно сказал о своей поэтике в письмах к молодым пишущим собратьям: «В коротком рассказе все должно быть взаимосвязано. Идеи подчиняются не только поступки и характеры героев, но и все то, что мы называем фоном». А вот самое ценное для нас высказывание: «В маленьком рассказе лучше не досказать, чем пересказать, надо жертвовать подробностями ради целого. Подробности, даже очень интересные, утомляют внимание»².

И потому ни в конце первой, ни во второй главе, где рассказано, как протекает «курортный роман» Анны Сергеевны и Гурова, собачка не появляется, шпиц уходит из сферы писательского внимания. В дуэте Анны Сергеевны и Дмитрия Гурова он не играет никакой роли. В этой связи можно вспомнить рассказы, где ситуация «третьего» на фоне влюбленной или флиртующей пары обыгрывается и становится основной.

В рассказе Стефана Цвейга «Жгучая тайна» некий скучающий на курорте барон заводит в ресторане разговор с мальчиком, сыном вызвавшей его внимание дамы. В итоге мальчик становится не просто полноправным героем новеллы, но и двигателем ее сюжета. В ходе этого происшествия он взрослеет, и перед ним открывается «жгучая тайна» взрослых. А вот еще один пример из недавнего рассказа Валерия Андропова, опубликованного в нашей «Чайке». Рассказ называется «Смотрины». В нем «смотрины» осуществляет кот хозяина. Девушка, пришедшая в гости к хозяину, ему не нравится, и он всячески это показывает. Конец этого очень смешного рассказа такой:

«— Ну и как она тебе? — спросил я у кота.

— Ноу! — ответил мне кот...»

Можно вспомнить и ранний рассказ Чехова «Злой мальчик», где «третий» — брат девушки — преследует пару, не дает ей целоваться и шантажирует тем, что «все расскажет», вплоть до самой свадьбы, когда пара наконец может ему отомстить... Во всех случаях, как можно заметить, «третий» оказывается лицом деятельным и влияет на происходящее.

¹ См. Александр Чудаков. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.

² См. <https://proza.ru/2003/04/18-02>.

Иное место у «третьего» в рассматриваемом нами рассказе.

В «Даме с собачкой» шпиц — только предлог для знакомства. И в дальнейшем действии он не участвует. Читателю не сообщается ни его имя, ни пол, ни прочие подробности. Чехову это не важно, эти детали НЕ СУЩЕСТВЕННЫ для рассказа.

Вопрос на засыпку: знал ли Гуров имя собачки?

Оказывается, знал. Но об этом мы прочитаем в третьей главе рассказа, к которой скоро обратимся.

Сейчас же поговорим о второй главе, где герои, у которых завязался роман, прощаются: Анна Сергеевна едет домой, в С.

«Она поехала на лошадях, и он провожал ее. Ехали целый день. Когда она садилась в вагон курьерского поезда и когда пробил второй звонок, она говорила: — Дайте я погляжу на вас еще... Погляжу еще раз. Вот так. Она не плакала, но была грустна, точно больна, и лицо у нее дрожало. — Я буду о вас думать... вспоминать, — говорила она. — Господь с вами, оставайтесь. Не поминайте лихом. Мы навсегда прощаемся, это так нужно, потому что не следовало бы вовсе встречаться. Ну, господь с вами».

Мы видим это прощание, видим обоих — ее и его, Чехов не описывает состояния героев, а передает его с помощью минимальных средств, хотя бы такой детали, что лицо Анны Сергеевны дрожало. Ехали на лошадях целый день, потом она села в курьерский поезд.

Где все это время находился шпиц? Наверное, с хозяйкой. Где-нибудь в переноске или на руках — подобная маленькая собачка весит всего 1–3,5 килограмма.

Герои прощаются НАВСЕГДА. Оба думают, что больше никогда не увидятся...

Но это не так.

А пока Гуров возвращается после курорта в родную Москву, о чем говорится в третьей главе.

Казалось бы, все вернулось на свои места, Ялта и Анна Сергеевна должны забыться... «Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера. И воспоминания разгорались все сильнее».

Выписываю дальше, так как не в силах оторваться от этого текста, от его магии: «Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним. Закрывши глаза, он видел ее, как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, в Ялте. Она по вечерам глядела на него из книжного шкапа, из камина, из угла, он слышал ее дыхание, ласковый шорох ее одежды. На улице он провожал взглядом женщин, искал, нет ли похожей на нее...»

В итоге все, что окружает героя в привычной московской жизни, кажется ему бессмысленным и пустым, и в декабре он уезжает в С. — увидеть Анну Сергеевну.

Потом, когда герои встретятся, мы узнаем, что и она все время думала о нем, не могла избавиться от наваждения. «Я так страдаю! — продолжала она, не слушая его. — Я все время думала только о вас, я жила мыслями о вас. И мне хотелось забыть, забыть, но зачем, зачем вы приехали?»

Однако загипнотизированные чеховским текстом мы ушли от своей темы, забыли о белом шпице.

Нужно сказать, что и автор о нем словно забыл, сосредоточив все свое внимание на Анне Сергеевне и Гурове.

И однако, в третьей главе шпиц появляется. И появляется в самый напряженный момент. Представим себе картину: Гуров приехал в С., остановился там в лучшей гостинице, узнал у швейцара, где проживает фон Дидериц. И вот он приходит на Старо-

Гончарную улицу, к тому самому дому, где живет Анна Сергеевна, напротив которого тянется длинный серый забор с гвоздями. «От такого забора убежишь», — думает Гуров, и дальше этот серый забор еще несколько раз встречается в тексте, по-видимому, как некая метафора жизни героини в провинциальном, скучном и сером городишке. Такой же метафорой смотрится и слово «лакей», которым Анна Сергеевна характеризует своего мужа, состоятельного чиновника, владеющего собственным домом и экипажем. Однако по своей сути он — лакей, и даже «ученый значок» у него в петлице смотрится как лакейский номер.

Итак, Гуров ходит вокруг дома, поглядывая то на окна, то на забор, надеясь, что случай ему поможет. Его внимание привлекает каждая деталь, каждый звук... Вот в ворота входит нищий, на него нападают собаки, через час из дома доносятся неясные звуки рояля — это, наверное, она играет.

И наконец... вот он, этот момент: «Парадная дверь вдруг отворилась, и из нее вышла какая-то старушка, а за нею бежал знакомый белый шпиц. Гуров хотел позвать собаку, но у него вдруг забилось сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица».

Шпиц здесь — как часть Анны Сергеевны, как ее заместитель, хорошо знакомый Гурову, ведь там, на курорте, где начался и протекал их роман, шпиц был всегда с нею рядом. И не потому ли, не от этих ли воспоминаний у Гурова «забилось сердце» при виде собачки, и он от волнения не мог вспомнить, как ее зовут.

Появление собачки ближе к концу рассказа играет, как уже было сказано, сюжетно-ролевую роль. Это та «рифма», которая придает рассказу, названному «Дама с собачкой», завершенность и композиционную стройность. Структурная и эмоциональная значимость этого эпизода безусловно компенсирует отсутствие упоминаний о собаке в предыдущем и последующем тексте. Характерно, что мы так и не знаем имя шпица, да и нужно ли оно нам? Для восприятия рассказа важнее то, что Гуров забыл это имя от волнения из-за нахлынувших воспоминаний...

В последней, четвертой главе собачки нет. И это понятно: действие этой главы происходит в Москве куда, под предлогом болезни Анна Сергеевна стала приезжать из своего С. каждые два-три месяца — на свидания с Гуровым. Шпиц в этих поездках был бы для нее обременителен, он остается дома, по-видимому, на попечении упомянутой в рассказе «старушки», которая за ним смотрит и его выгуливает.

Скажу в заключение, что Чехов — подлинный мастер малой формы: смог скухими средствами, без лишних подробностей, создать глубокое, вызывающее в читателе эмоциональный отклик произведение.

А шпиц... он навсегда соединился с образом чеховской Анны Сергеевны, оставшейся в памяти современников и потомков как «дама с собачкой».